

Н. И. ТУРГЕНЕВ—ГЕРЦЕНУ

Публикация Ю. Г. Оксмана

Имя декабриста Николая Ивановича *Тургенева* (1789—1871) принадлежит к числу тех имен деятелей русского освободительного движения, которые запомнились Герцену еще в его школьные годы в Москве. С течением лет эти общие сведения, основанные на живом предании, конкретизировались и уточнились, ибо встречи Герцена с такими современниками и единомышленниками Тургенева, как М. Ф. Орлов и П. Я. Чаадаев, а особенно А. И. Тургенев, старший брат декабриста (III, 55, 103, 241), позволили ему уже в начале сороковых годов составить более или менее определенное представление об основных фактах политической биографии одного из виднейших идеологов первого поколения дворянских революционеров, вождя Союза Благоденствия, друга Пушкина, автора трактата «Опыт теории налогов» (1818), старейшего и в течение двух десятилетий единственного русского политического эмигранта.

В начале 1847 г., когда Герцен впервые оказался в Париже, только что вышедшая в свет книга Тургенева «*La Russie et les Russes*» («Россия и русские») принадлежала к числу самых злободневных новинок литературы. Это была первая монография, посвященная истории русского освободительного движения, его корням и перспективам. Маститый автор этого труда не мог не импонировать передовым читателям своим положением политического изгнанника, жертвы николаевского деспотизма, своим авторитетом ученого экономиста, правоведа и историка, своим опытом государственного человека и члена Тайного общества, своим самоотверженным почти полувековым служением делу крестьянского освобождения.

Однако впечатления от книги были двойственны. Богатство материала не скрадывало крупнейшего недостатка труда Тургенева: отрыва автора от круга идей и интересов русской демократической общественности сороковых годов. Все стержневые вопросы ликвидации крепостничества и абсолютизма трактовались в книге Тургенева с позиций буржуазно-дворянского реформизма, враждебных, конечно, террористическому режиму николаевской реакции, но совершенно исключавших в то же время и проблематику революционных методов борьбы с самодержавно-помещичьей диктатурой. С этих же позиций Тургенев задним числом ревизовал, обеднял и схематизировал свое собственное революционное прошлое, всю историю тайных организаций декабристов.

Многие страницы книги Тургенева, особенно те, которые он пытался как-то согласовать со своими официальными оправдательными записками, послышавшимися им в 1827—1831 гг. из-за границы царю в целях личной реабилитации, решительно не соответствовали истине и были сурово осуждены в Сибири старыми товарищами Тургенева по революционной работе. Мы знаем об этом из воспоминаний С. Г. Волконского, из писем Н. А. Бестужева, записок И. Д. Якушкина, журнальных выступлений П. В. Долгорукова. Можно не сомневаться в том, что и Герцен не был удовлетворен той общей концепцией декабризма, которую он нашел в мемуарных частях трактата Тургенева. Однако, не располагая еще никаким материалом для критики рассказов Тургенева об освободительном движении десятых и двадцатых годов, Герцен с гораздо большей уверенностью в правильности своих заключений сразу же взял под сомнение те расчеты на ближайшее будущее, которые вдохновляли Тургенева в последнем томе его труда, посвященном обоснованию широкой программы первоочередных социально-политических реформ, подлежащих осуществлению, по мысли автора, силами государственного аппарата самодержавия и имевших целью скорейшее установление на месте

помещичье-крепостнического строя капиталистических отношений западноевропейского типа. Для Герцена — революционера, демократа и социалиста, для Герцена — врага и разоблачителя капиталистической культуры, эти далеко идущие политические компромиссы буржуазно-либеральной позиции Тургенева не сулили ничего положительного. И все же, несмотря на то, что почвы для установления прочного общественно-литературного и личного контакта Тургенева и Герцена в сороковых годах не было, можно высказать предположение, что они в эту пору встретились и познакомились друг с другом. Об этом говорят, за отсутствием прямых документальных или мемуарных данных, все особенности положения в предреволюционном и революционном Париже этих двух ярких представителей русской политической оппозиции и национальной культуры, давние связи Герцена с братом и московскими друзьями Тургенева, наконец, встречи с последним М. А. Бакунина и Н. И. Сазонова, с которыми Герцен поддерживал близкие отношения в эту пору. В пользу этого же предположения свидетельствует и подчеркнутая корректность всех печатных высказываний Герцена о книге «Россия и русские», несмотря на то, что, по существу, общественно-политические позиции Тургенева были для автора «Писем из Avenue Marigny» совершенно неприемлемы.

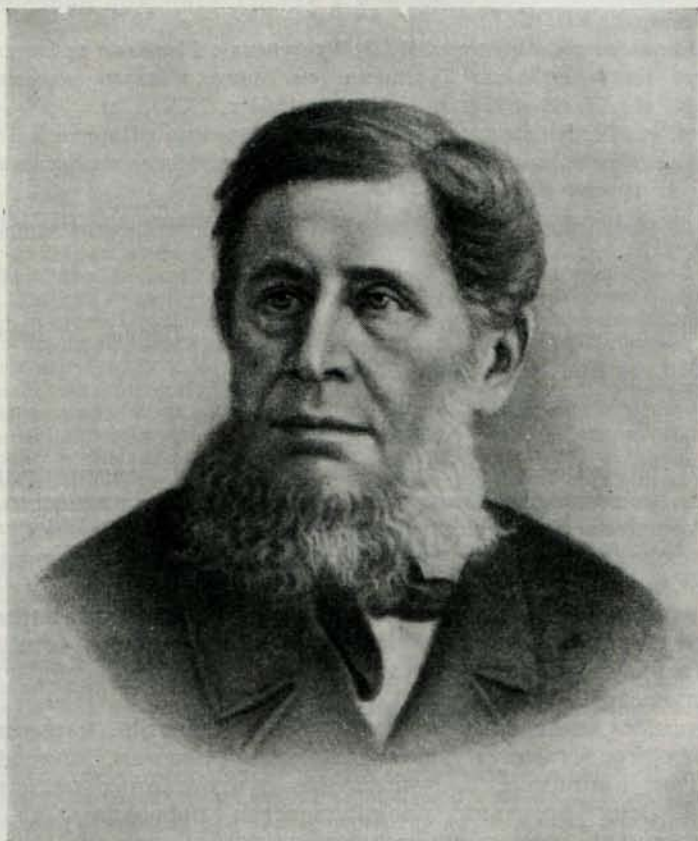
В конце 1849 г., включая в издание книги «С того берега» (на немецком языке) свой политический трактат «Россия», Герцен считал необходимым специально осведомить своих зарубежных читателей о своем отношении к труду Тургенева, посвященному аналогичной теме. «Книга г. Тургенева (1847), — писал Герцен, — имеет для нас большой интерес как верная картина мнений, надежд и стремлений в эпоху Александра, как автобиография автора, который много видел в свое время, но не знал той России, которая развилась после 1825 г.» (V, 528). Отмечая, что Тургенев, с его точкой зрения, напоминающей «уточненный либерализм» Деказа и Мартиньяка, к сожалению, не может «правильно понять русские отношения» и дать передовой общественности необходимые сведения о «русском народе» (V, 528—529), Герцен в 1850 г. начинает писать работу «О развитии революционных идей в России», призванную, с одной стороны, идеологически обосновать и конкретизировать права русской революционной демократии на участие в строительстве новой мировой демократической культуры, а с другой стороны, дополнить, обновить и фактически выправить данный в книге Тургенева общий очерк истории борьбы передовой русской общественности с абсолютизмом и крепостничеством.

Критическое отношение к общим политическим установкам книги Тургенева, проявленное Герценом в 1850—1851 гг., не мешало ему широко пользоваться даже в своих более поздних статьях тем большим фактическим материалом, который введен был в научный и литературный оборот тремя томами «России и русских». Так, сочувственные выписки из этого издания и многочисленные ссылки на него мы находим в таких работах Герцена, как «Крещеная собственность» (1853), «Письмо к Александру II по поводу книги М. А. Корфа о событиях 14 декабря» (1857), «Русский заговор 1825 г.» (1858), «Император Александр I и В. Н. Каразин» (1862). Разумеется, Тургенев хорошо знал об этих произведениях Герцена, так как внимательно следил за деятельностью Вольной русской типографии в Лондоне. Однако сам он не принимал участия в «Полярной звезде» и почти не печатался в «Колоколе».

Вопрос об участии Н. И. Тургенева в «Колоколе» требует специального изучения, так как за подписью его на страницах газеты Герцена и Огарева было опубликовано только одно «Письмо к редактору „Колокола“» (л. 155 от 1 февраля 1863 г.). Об ошибочно приписанной Тургеневу анонимной статье «Возражение на 63-й номер „Колокола“» (л. 70 от 1 мая 1860 г.) — см. справку М. М. Клевенского «Герцен-издатель и его сотрудники» в «Лит. наследстве», т. 41-42, 1941, стр. 611. Предположение Е. И. Тарасова о принадлежности Тургеневу еще трех анонимных полемических писем и заметок в «Колоколе» за 1858—1860 гг. (лл. 18, 40-41, 46) осталось неаргументированным («Дневник и письма Н. И. Тургенева», т. I, СПб. 1911, стр. XVII—XX) и не утвердилось в литературе ни о Тургеневе, ни о «Колоколе».

Характерно, что Тургенев ни разу не поделился с Герценом и тем огромным архивным материалом по русской нелегальной литературе начала двадцатых годов, которым располагал, в том числе неизвестными произведениями и письмами Пушкина. В письме

к М. К. Рейхель от 20 сентября 1855 г. Герцен отмечал факт получения им анонимного разбора первой книги «Полярной звезды»: «Получил на почте целую критику на „Полярн(ую) звезду“ из Берлина, а сдается, что это от Н. И. Тургенева» (VIII, 230). Самая возможность такого подозрения (едва ли основательного) свидетельствует об отсутствии непосредственного контакта Тургенева с Герценом ко времени организации «Колокола» и «Полярной звезды». Положение не изменилось и в пору выхода в свет сборника статей Герцена и Огарева «За пять лет (1855—1860)». Надпись на

Н. И. ТУРГЕНЕВ
Фотография, 1860-е гг.
Исторический музей, Москва

дарственном экземпляре этой книги была почтительна, но холодна: «Николаю Ивановичу Тургеневу в знак глубокого уважения от издателей „Колокола“. 20 мая 1860 г. Лондон» («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 195).

Новой вехой в отношениях Герцена и Тургенева явился обмен письмами между ними в 1861 г. в связи с манифестом 19 февраля о ликвидации крепостных отношений в России. В этом же году Герцен посетил Тургенева в Париже, а весной следующего года очень положительно отозвался в «Колоколе» о выходе в свет сборника публицистических статей престарелого декабриста («Взгляд на дела России». Лейпциг, 1862). Напоминая своим читателям о том, что Н. И. Тургенев «старейший и самый неутомимый враг крепостного состояния», Герцен горячо рекомендовал передовой русской общественности эту книгу (XV, 99).

В январе 1863 г. состоялся новый обмен письмами между Тургеневым и Герценом в связи с изданием в Лондоне записок декабриста И. Д. Якушкина. Результатом этой

переписки явилась публикация большого открытого «Письма» Тургенева к редактору «Колокола», — письма, посвященного широко развернутому, но малоубедительному опровержению некоторых утверждений Якушкина о роли автора «Опыта теории налогов» в период между закрытием Союза Благоденствия и началом деятельности Северного общества. Это было первое и последнее известное нам выступление Тургенева на страницах «Колокола». Через несколько лет, в письме к Огареву от 8 июля 1868 г., Герцен, откликаясь на одно из позднейших произведений Тургенева, писал: «Купил на днях книгу „Чего желать России“, без имени автора, начал читать и *ex ungue leonem* * узнал Н. И. Тургенева» (XXI, 15).

Вся дошедшая до нас переписка Н. И. Тургенева с Герценом представлена тремя публикуемыми здесь письмами Тургенева (см. ниже) и двумя письмами Герцена от 28 марта 1861 г. (XI, 58—59) и от 19 января 1863 г. (XVI, 22).

Возможно, что Герцен изредка встречался с Тургеневым в Париже в период между 1863 и 1870 гг., хотя данных об этом не сохранилось. Менее вероятна возможность продолжения их переписки.

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 111).

1

(Париж. 30 марта 1861 г.)

Милостивые государи

Александр Иванович

и Николай Иванович²,

Глубоко тронутый дружеским и благородным вашим приветствием, я не могу в полной мере изъяснить вам всей моей признательности³.

Мы все ожидали с томительным нетерпением благой вести. Но когда она дошла сюда, то поразила меня так, что и по сию пору я едва могу опомниться. Вы, питая к нашему бедному, но доброму и разумному народу ту беспредельную любовь, коей он вполне заслуживает, вы поймете меня.

Я твердо верю, что наши братья-крестьяне из того, что дарует им благий и твердый император, сумеют выработать для себя и свободу и самостоятельность.

Между тем, судя по тому, что нам доселе известно, новое положение о крестьянах представляет некоторые распоряжения, кои необходимо обсудить. Так, например, постановление о крестьянах мелкопоместных помещиков⁴. Этим крестьян предполагается переселить на казенные земли, вознаградив господ за потерю людей. Вероятно, это делается в видах экономии. Но проще и даже дешевле было бы заплатить помещикам за землю, оставив на сей земле крестьян, кои на ней по сию пору жили.

Нельзя теперь не продолжать восставать против розог, хотя в сем отношении новое положение представляет некоторый успех, именно тем, что, предоставляя право розог исключительно волостному суду, оно тем самым лишает сего права помещиков⁵.

Наконец, вспоминая мысль вашу об ассоциации против телесных наказаний⁶, мне кажется, что не худо было бы предложить русским господам вообще перестать говорить *ты* и мужикам и лакеям и пр. и пр. Я попробовал это в первый раз за пятьдесят лет тому назад, и мне тогда не удалось. Я повторил то же за три года, и дело пошло на лад. Крестьяне и вообще те, коим в России говорят *ты*, нимало не удивлялись, когда я им говорил *вы*, хотя, очевидно, чувствовали разницу. Одни только подьячие в судах не вдруг решались писать *вы* в верющих письмах, кои я давал старосте и пр.

* по когтям льва (лат.).

Хотя я и чувствую, что не имею теперь довольно сил для действия на старом поприще, я не мог, однако же, не сказать вам сих немногих слов о дальнейших потребностях освобождения. Вам предстоит славная обязанность дальнейшего труда, дальнейшей борьбы. Народ русский узнает когда-нибудь и ваши подвиги, и ваше горячее усердие к его благу и благословит вас признательным воспоминанием.

Примите — прошу вас, с искренним чувством — примите уверение и в моей душевной признательности и в полном моем уважении.

Преданный вам

Н. Тургенев

Rue de Lille, 97
30 марта 1861
Париж

¹ В архиве Н. И. Тургенева (ИРЛИ) сохранилась черновая редакция этого письма, без даты, несколько отличающаяся от печатаемого нами белового оригинала (см. публикацию этого черновика в сб. «Памяти декабристов», кн. III. Л., 1926, стр. 99—100).

² Н. И. Тургенев, видимо, не был знаком с Огаревым и не знал его отчества.

Отметим попутно, что Тургенев, несомненно, мог бы сообщить Огареву ценные материалы для издания «Русской потаенной литературы XIX столетия» (Лондон, 1861), но не сделал этого. Выше нами уже было отмечено (см. стр. 585) аналогичное отношение автора «России и русских» к «Полярной звезде» Герцена. Характерно, что и на позднейший специальный запрос П. И. Бартенева о возможности предоставления журналу «Русский архив» неизданных писем Пушкина Тургенев ответил категорическим заявлением: «У меня никаких писем Пушкина не было и нет» («Декабристы», под ред. Н. П. Чулкова. — «Летопись литературного музея». М., 1938, стр. 341). Между тем в распоряжении Н. И. Тургенева было большое собрание ценнейших автографов Пушкина: ода «Вольность», стихотворения «Краев чужих неопытный любитель», «Митрополит, хвастун бесстыдный», «Так море, древний душегубец», письма Пушкина к А. И. и С. И. Тургеневым, к Вяземскому, публикация которых начата была И. С. Тургеневым («Вестник Европы», 1880, № 12, стр. 820—824), а закончена А. А. Фоминим в «Русском библиофиле» 1911 г.

³ Публикуемое письмо Тургенева является ответом на обращение к нему издателей «Колокола» от 28 марта 1861 г. Это же обращение в свою очередь обусловлено было той информацией, которую Герцен получил от И. С. Тургенева о встрече последнего с двумя декабристами — Н. И. Тургеневым и С. Г. Волконским — на молебне в русской церкви в Париже по случаю огубликования манифеста 19 февраля 1861 г. («Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену». Женева, 1892, стр. 139). Под впечатлением этого письма Герцен и Огарев обратились к старейшему представителю русской эмиграции со специальным приветом. «Вы были, — писали они Н. И. Тургеневу, — одним из первых, начавших говорить об освобождении русского народа; вы недавно, растроганные, со слезами на глазах, праздновали первый день этого освобождения. Позвольте же нам, питомцам вашего союза, сказать вам наше поздравление и с чувством братской или, лучше, сыновней любви пожать вам руку и обнять вас горячо, от всей полноты сердца. Тот же наш привет просим передать князю Волконскому. С живым умилением мы написали эти строки и подписываем наши имена с той глубокой, религиозной преданностью, которую мы во всю жизнь сохранили к старшим деятелям русской свободы» (XI, 58—59).

Отвечая на это письмо, Н. И. Тургенев обошел молчанием просьбу Герцена и Огарева передать их привет декабристу С. Г. Волконскому. Это молчание не случайно, тем более что в черновой редакции печатаемого нами письма сохранились следующие строки: «Князь Волконский, коему было сообщено письмо ваше, пожелал иметь копию, которая и будет ему дана» («Памяти декабристов», кн. III, 1926, стр. 100). Мы объясняем отсутствие этих строк в окончательном тексте письма тем, что Тургенев, поставив через кого-нибудь из друзей в известность С. Г. Волконского о письме Герцена и Огарева, не захотел омрачать своего письма неприятным воспоминанием. Мы имеем в виду инцидент, который произошел после того самого молебна, о котором упоминалось выше: «Когда весь в слезах, с трясущимися ногами он (С. Г. Волконский) подходил к кресту, он столкнулся с Николаем Тургеневым, которого декабристы, как эмигранта и человека, когда-то к ним близко стоявшего, а потом от них отдалившегося, — не любили. Столкнувшись с ним здесь, перед крестом, в такой день, в такую минуту, Сергей Григорьевич, забыв все прошлое и уступая ему дорогу, обратился к нему со словами: „Тебе, Николай, тебе первому подходить“. Этим он хотел выразить, что старое забыто, а кроме того и то, что, как писатель, он (Н. И. Тургенев) все же сослужил службу делу освобождения. Но Тургенев отступил на шаг, окинул его взором и сказал: „Кто вы такой?“» (С. Волконский. О декабристах (по семейным воспоминаниям). Пг., 1922, стр. 131).

⁴ Тургенев имел в виду дополнительные правила об устройстве крестьян, водворенных в имения мелкопоместных владельцев и не наделенных землею («Полное собрание законов Российской империи». Собр. второе, т. XXXVI, отд. 1 (1861). СПб., 1863, стр. 372—376).

⁵ Тургенев имел в виду «Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», опубликованное при указе Правительствующему сенату от 2 марта 1861 г.

⁶ *Мысль... об ассоциации против телесных наказаний*, о которой вспоминает Н. И. Тургенев, была аргументирована в статье Герцена «Розги долой» (X, 355—357). С протестом против телесных наказаний Н. И. Тургенев выступил в этом же 1861 г. в двух своих брошюрах — «О суде присяжных и о судах полицейских в России» и «О новом устройстве крестьян».

2

Четверг, 27 июня (1861 г.)¹

Почтенный Александр Иванович,

Г-н Рустейко² уведомил меня, что вы имеете доброе намерение посетить меня на даче. Благодарю и надеюсь, что вы останетесь обедать (в 6 часов), и вместе прошу вас привезти с собою милую вашу дочь, которую мы видели зимою. М-ше Meisenbug много обяжет нас, если решится также приехать к нам с вами. Равно просим и старшую вашу дочь пожаловать к нам. Жена моя особенно просит о всем вышесказанном.

От души преданный вам

Н. Тургенев

¹ Год установлен по пребыванию Герцена (с дочерью Наталией) в Париже с 21 июня по 6 июля 1861 г. Именно в эту пору в Париже находилась также и Мальвида Мейзенбург с Ольгой Герцен (XXXII, 314).

² Осип Федорович *Рустейко* — польский эмигрант, друг Н. И. Тургенева и его семьи. Выдержки из двух писем Н. И. Тургенева к нему — от 30 декабря 1864 г. и 10 марта 1866 г. — см. в «Русском библиофиле», 1914, № 2, стр. 27—29.

3

Париж. 21 января 1863 г.¹

Благодарю вас, почтеннейший Александр Иванович, за готовность вашу в исполнении моей просьбы². Я совершенно согласен с вами в том, что при издании «Записок» как г-на Якушкина, так и других, издатели не могут и не должны ничего изменять³. Если я о чем-либо сожалею, если я что-либо не одобряю, то это легкость, необдуманную неосновательность в повествованиях. Но и в этом отношении я не обвиняю самые лица повествующих, но скорее обстоятельства, в коих они находились, и более всего эту славянскую, если не исключительно русскую, ветреность и легкомыслие, кои так сильно выражаются во всех поступках, в суждениях и воззрениях наших соотечественников.

Под каким бы углом ни отражались факты в записках кн. Трубецкого, я уверен, что найду в них то же, что нашел в напечатанных выписках в «Полярной звезде», т. е. свидетельство о ничтожности и о бессилии Тайного общества⁴.

Между членами сего Общества я знал людей, стоявших на самой высшей степени нравственного достоинства, готовых на все жертвования для пользы людей — одним словом, таких, каких я не встречал нигде в продолжение всей моей жизни. Но если эти лица имели какое-нибудь влияние на окружавших их людей так, как и на целое общество и на публику, то это влияние происходило исключительно от сих лиц, а отнюдь не от тайного Союза. Рамка, которая окружала состав сего последнего, была слишком тесна, слишком слаба, чтоб обнять, заключить в себе таких людей. Для Следственной комиссии, для редактора ее рапорта, конечно, было весьма удобно и выгодно втеснить всех в эту жалкую рамку: иначе он принужден был бы бороться с личными мнениями и убеждениями⁵.

«ЗАПИСКИ ДЕКАБРИСТОВ»,
ИЗДАННЫЕ ГЕРЦЕНОМ. ЭКЗЕМ-
ПЛЯР С ЕГО ДАРСТВЕННОЙ
НАДПИСЬЮ А. К. БАКУНИНОЙ:

«Антонии Ксаверьевне Бакуниной
от А. Герцена. 19 марта 1863»

Частное собрание, Париж

Гораздо легче для него было, представив Общество в известном виде, осудив его тем самым, что оно было *тайное*, приписывать ему, т. е. соединенной массе людей, как будто одушевленной одинакими верованиями, все, что когда-либо говорено было отдельными лицами⁶.

Могли ли те, кои сочиняли свои записки, не последовать этой методе рапорта? Могли ли они, сообразно прежним своим мнениям о ничтожности Общества, отличать влияние и действие Общества от влияния и действия как их самих, так и других, числившихся членами сего Общества? Это было не только трудно, но почти невозможно: они были осуждены как члены Общества. Естественно, что они и отвечали, и писали как члены сего Общества. Я не имел никакого повода переменить всегдашнего моего мнения о незначительности Общества, в котором я убедился при первом прочтении его устава и продолжал более и более убеждаться по опыту. Но, отделяя от Общества тех, коих я знал, любил и уважал в полной степени, я не думал и не думаю, чтобы я уменьшил в чем-либо их высокую личность. Касательно Общества, они сами разделяли мое мнение⁷.

Наконец, я попрошу вас, почтеннейший Александр Иванович, прислать мне, вместо ста, только десять экземпляров моего отзыва⁸. Десяти достаточно для раздачи моим русским знакомым, коих число не доходит даже до десятка. Остальные экземпляры могут, с большею пользою, быть вложены в продаваемые экземпляры книгопродавцам.

Поблагодарив вас еще раз, прошу вас принять уверение в искреннем моем уважении.

Преданный вам
Н. Тургенев

¹ Публикуемое письмо является ответом на письмо Герцена от 19 января 1863 г. (XVI, 22).

² Тургенев имеет в виду свою просьбу об опубликовании его возражений на записки И. Д. Якушкина, выпущенные Герценом в серии «Записки декабристов», вып. 1. Лондон, 1862. Эти возражения («Письмо к редактору „Колокола“») напечатаны были в «Колоколе», л. 155 от 1 февраля 1863 г.

³ Тургенев отвечает на следующие строки письма к нему Герцена от 19 января 1863 г.: «„Записки“ Якушкина бросают большой свет на тогдашнее время; рядом с ними печатаются „Записки“ кн. Трубецкого, в которых те же факты являются отрицательными под иным углом. Мне кажется, что только этим образом и можно будет реставрировать события и личности ваших товарищей и друзей и наших отцов в духе. Внешние противоречия и личные ошибки пропадают в целом» (XVI, 22).

⁴ Тургенев неправильно и предвзято характеризует здесь следующие мемуарные публикации: 1. М. С. Луни и н. Взгляд на тайное общество в России («Полярная звезда на 1859», стр. 231—237); 2. Н. А. Бестужев. Воспоминания о К. Ф. Рылеве («Полярная звезда на 1861 год», стр. 1—30); 3. «Из записок Николая Бестужева» («Полярная звезда на 1862 год», стр. 1—7 и 73—84). Ни в какой мере не подтвердили ожиданий Тургенева и «Записки князя Трубецкого», включенные в серию «Записки декабристов», вып. II и III. Лондон, 1863, стр. 1—99.

⁵ Poleмика Н. И. Тургенева с Д. Н. Блудовым, как с одним из составителей «Донесения Следственной комиссии» и его редактором, получившая наиболее полное выражение во втором томе книги «Россия и русские», продолжалась во всех печатных высказываниях Тургенева о декабристах и после амнистии 1856 г. Новую остроту эта полемика приобрела после выхода в свет книги Е. П. Ковалевского «Граф Д. Н. Блудов и его время» (1866) и брошюры А. Д. Блудовой «Острожская летопись» (1867). См. об этом публикацию Н. И. Тургенева «Ответ „Острожской летописи“». Лейпциг, 1869, стр. 3—11.

⁶ Эта формально-казуистическая точка зрения, усвоенная Тургеневым еще в пору его борьбы за свою политическую реабилитацию в 1826 г., наложила печать определенной исторической безответственности и на многие позднейшие его высказывания о тайных организациях декабристов. Протест против концепции Тургенева см. в «Записках С. Г. Волконского». СПб., 1902, стр. 418—422; то же в «Записках И. Д. Якушкина», изд. 7. М., 1925, стр. 56. Об отрицательном отношении к книге Тургенева и других декабристов свидетельствует статья П. В. Долгорукова, который утверждал, что многие из декабристов «дали себе слово никогда не иметь с Тургеневым никаких отношений. Слово это дали и сдержали И. И. Пущин, И. Д. Якушкин и другие декабристы, находящиеся в живых» («Правдивый», Leipzig, № 4 от 31 мая 1862 г., стр. 28—30).

⁷ В своем «Письме к редактору „Колокола“» в 1863 г. Н. И. Тургенев впервые дал более или менее точную картину своего участия в делах тайной организации после закрытия Союза Благоденствия. Это исключительное по своей ценности автопризнание имеет ряд формальных оговорок, сделанных Н. И. Тургеневым только для того, чтобы смягчить резкое несоответствие «Письма» всем прежним его же печатным высказываниям на эту тему.

⁸ В письме от 19 января 1863 г. Герцен предложил Н. И. Тургеневу «сто экземпляров» «Письма к редактору „Колокола“» (XVI, 22).